

Как в воду смотрела. На следующий день проблемы пришли в виде репетитора. А еще через неделю ей захотелось назад, к сукину сыну Михасю, побоям, и оральному сексу на обочине.

Единственным светлым пятном в беспросветном ужасе бытия была тетя Таня, которая водила ее в бассейн и солярий, а по четвергам в тир, где Алинка заработала синяк на плече от прыгающего в руках автомата, и фингал под глазом, от тяжелого пистолета.

Тетя Таня, которая вычесывала ей рыжие кудряшки и красила ногти под настольной лампой, рассказывая о том, что маской можно пересушить лицо, а выходить из захвата кисти надо движением в сторону основания большого пальца противника. Что удар по печени хорош, но больше подходит массивным мужчинам, тем более с левой руки, а женщине лучше избегать возможности захвата, и что вот этот сладкий запах тебе не подходит, моя рыжуха, потому что это уже совсем медовый петушок на палочке получается...

Но тетя Таня существовала только вечером и по выходным, а все остальное время было «чортишо с бантиком», как говорила покойная Алинкина бабушка.

Шло время. Снег выпал, лежал и растаял, и стало видно - кто где срал зимой.

Алинка иногда выходила покурить во двор, какие-то малолетние придурки на велосипедах подъезжали к ней знакомиться, но уже на другой день забывали - как ее зовут. А когда подъехали знакомиться придурки постарше, приглашая прокатиться на «чотка-чо-читверочке чикавозе», с балкона свистнул Егоров, показывая придуркам легко узнаваемый в закатном солнце, и растиражированный в масс-медиа силуэт «калашникова».

Придурки забились в «чикавоз», в панике помяли ограду дворового газона и унеслись, оставив на асфальте обломки пластиковой красоты, облепавшей их машину.

Алинке хотелось на свободу. Алинке было одиноко.

Однако было поздно, Егоровская ловушка с лязгом захлопнулась. Из огня, как говорится, да в полымя. Вот так и сбываются мечты - через задницу.

- Все, - сказала Егорова-Егорова. - Конец учебного года. Едем на море. Лето в разгаре.

Алинка сидела на высоком барном стуле, свесив крепкую молодежную попу в символических стрингах по ту сторону стула, и тянула что-то разноцветное через соломинку. Вокруг нее сгрудилось трое молодых да чернявых, в мокрых шортах до колен. Четвертый, подмигивая друзьям, пытался снять из-за спины Алины расчудесную попу на мобильный телефон.

Егоров рассердился и двинулся к барной стойке. «Дети наше наказание, дали им образование»,

- подумал рассерженный Егоров: «... Без них, понимаешь, ужасно скушно... а с ними хуй ты отдохнешь нормально».

- Курлы-мурлы? - спросил полиглот Егоров у парней, подходя к бару. - И хули мы тут топчемся, ай? Балканские войны забыли? Так я щас напому.

Ребята напряглись, переглянулись, переместились и собрались вокруг Егорова, распределяя места. Егоров улыбнулся. Такое он любил всей своей черной душой.

- Что такой? - спросил один из парней, судя по цветной татуировке, вожак стаи. - Твоя «наташа»? - остальные заржали.

- Что такое, дядь Петя, - обижено отозвалась эхом Алинка. - Это же безалкогольный!

- Не «что такой», а «что такое», абдулла, - ответил цветному Егоров, начисто игнорируя Алину.
- И не «что такое», а «все, мы поняли, уже убегаем нахуй». Чо вы вокруг моей дочки крутитесь? Гюзель, понимаешь, курлы-мурлы? Шестнадцать лет. Тебе еще раз щит к воротам Константинополя прибить, по ебальнику?

- О, дощка! Хай, - цветной вожак издевательски протянул руку

- В жопу себе запхай, - сказал непримиримый Егоров, и переступил ногами по деревянному помосту. Двое были мертвыми, примерно, с дошкольного возраста, такие только ойкают и закрывают глаза, когда их пиздят, третий был и так, и сяк, а четвертый был дурак - татуированный, единственный самец в стае пляжных пидарасов, точно и бездарно встал под залп торпедного аппарата.

Бармен поспешно подошел к точке зреющего конфликта, что-то сказал по-турецки парням, поминая Керима и Гуссейна. Парни погрузнели, и отошли от стойки.

- Дядь Петь, ну какого... в смысле - зачем? - обиженно пронила Алинка, провожая взглядом парней. - Нормальные же ребята, у них скутер есть...

- А ну-ка, дай сюда свой безалкогольный, - Егоров отобрал стакан и потянул из трубочки. - Ну, да, лед безалкогольный. Ей, повар! Еще раз ей нальешь бухло... Алинка, помнишь, о чем мы договаривались, когда ехали?

- Дядь Петь...

- Я тебе не «дядь»! Сама вчера орала, что: «Ты мне не отец!», и что приказывать я тебе не могу, только деньги давать должен. Чего это вдруг я тебе «дядей» стал? - Егоров вздохнул. - Алинка, еще полтора года, и делай что хочешь. А пока слушайся папу-маму. Ты что, скутер не видела? Так ты же утопишься на нем.

Алинка угрюмо смотрела мимо Егорова.

- Не утоплюсь.

- Я бы поспорил на деньги, но когда ты утопишься - с кого мне спрашивать? Слушай, покатаю я тебя на скутере. Не надо чудить. Все, идем на базу.

И пошли они к своим шезлонгам по пляжу, вытаскивая из песка ноги, - Егоров, передвигая свои расплющенные снегоходы, и рыжая кудрявая Алинка, точенные загорелые ступняшечки со светлыми полосками от шлепанцев, зарываясь ими в песок чуть ли не по щиколотки.

«Как дальше быть»? - сумрачно размышлял Егоров. Малолетняя и заслуженная проститутка, для которой трахнуть - как чихнуть. Тем более, если не поджопниками на работу выгоняют, а просто хорошие ребята, у которых есть скутер...

Педагог Макаренко в данном случае говорил, что делодохое. Если только повезет. Егорову не везло. Воспитатель был из Егорова, как из говна пуля. Внезапно оказавшись в роли отца почти взрослого, распутного и легкомысленного создания, Егоров осознавал свое педагогическое бессилие. Дети - они же как вес в качалке, к ним надо постепенно привыкать. Начинать тренироваться, пока они еще в пеленки ссутся, а к шестнадцати с половиной годам уже выходишь на профессиональный уровень.

«Вон, как крутит жопой», - мрачно думал Егоров, шагая за Алинкой: «Зачем так жопой крутить? Она что, без этого ходить не может? Просто ноги переставляй, и двигайся в нужном направлении...» - Егорова душила банальная родительская ревность, когда весь мир только и замышляет - как бы трахнуть твою личную собственность.

А что делать? Не ходить же за ней с шотганом. Егорову-Егорову звать надо.

Увы, Егорова-Егорова обладала чудесной властью над дурным дитем только в пределах своей прямой видимости.

Егоров с Алинкой, обошли чужие шезлонги, выходя к своему.

И Егоров остолбенел. Те же четверо парней сидели на песке вокруг Егоровой-Егоровой, и что-то рассказывали ей по очереди, размахивая руками. Егорова-Егорова внимательно читала электронную книжку, делая вид, что ничего не слышит. Парни старались, как могли, потом один из них присел на топчан, рядом с попкой Егоровой-Егоровой, и положил ей на задницу руку. Егорова-Егорова задумчиво закрыла е-бук и положила его на лежак